

К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ
НОВГОРОДА XVIII в.
(1700—1750-е гг.)

Памятников первой половины XVIII в. в Новгороде сохранилось немного: значительного каменного строительства в то время в Новгороде не велось, деревянные же постройки до нашего времени не дошли. О существовании отдельных культовых и гражданских строений известно только по архивным документам. Этот период в истории новгородской архитектуры оказался малоизученным — Новгород привлекал внимание и дореволюционных, и советских исследователей прежде всего своими древними памятниками. Цель нашей статьи — дать представление об этом периоде в новгородской архитектуре преимущественно на основе архивных изысканий. Поиски архивных материалов осложнялись тем, что большая часть чертежей XVIII в. сгорела во время пожара 1809 г. в здании Присутственных мест, поэтому уже в начале XIX в., как можно судить по надписям на обмерных чертежах, даты строительства зданий XVIII в. были неизвестны.

Петровское время явилось переломным во всех сферах жизни, в том числе и в градостроительстве. Именно в те годы делаются попытки перестроить на новых, регулярных началах некоторые города, в числе которых оказался и Новгород. После указа Петра I 1723 г., по которому предусматривалась регулярная застройка Торговой стороны, в Новгород прибыл ученик архитектуры Григорий Охлопков.¹ Он был прислан «Канцелярией от строений» из Петербурга и прибыл со специальным инструментом (астролябией), купленным в Петербурге по поручению архитектора Микетти.²

Цель приезда Охлопкова сформулирована им самим в допониини-отчете, посланном в «Канцелярию от строений» в июле 1723 г.: «По указу его императорского величества послан я, нижайший, из Санкт-Петербурга в Нов город со учиненным планом, который дан мне ис канцелярии Правительствующаго сената, и по тому плану велено мне, нижепоименованному, в Новгороде на пожарных местех розвести улицы линейно и поставить вехи и по тем поставленным вехам хоромное деревянное строение строить регулярно, как в Санкт-Петербурге строитца в одно жилье ... а для обрасца одному из жителей сделать хоромы по указу, по которому обрасцу и прочим жителям строитца...».³

¹ Деятельности Г. Охлопкова в 20—30-е гг. XVIII в. посвящена интересная статья В. Л. Янина «Из истории ранних попыток перепланировки Новгорода в XVIII веке» (Русский город. М., 1979, вып. 2).

² ЦГА СССР, ф. 467, оп. 4, д. 994, 1723—1729, л. 9 об.

³ Там же, л. 7.

Как справедливо указал В. Л. Янин, деятельность Охлопкова по регулированию застройки касалась «погорелых мест» Торговой стороны, которая за короткий срок — с 1696 по 1722 г. — горела несколько раз.⁴ Последний опустошительный пожар был незадолго до приезда Охлопкова в Новгород в 1722 г.⁵

Вновь обнаруженные документы прибавляют несколько важных моментов к деятельности Охлопкова. Во-первых, называется имя автора разработанного для Новгорода плана, которым пользовался в начале своей работы Охлопков. Это «господин фортификации полковник» Дебришир.⁶ Во-вторых, становятся ясными причины, почему Охлопкову не удалось завершить столь активно начатые работы по переустройству Новгорода. В своей деятельности архитектор столкнулся с сильным противодействием новгородского купечества. Новая планировка города потребовала сноса построенных не по плану домов и перераспределения земельных участков, нарезки земли тем, кто имел маленькие участки, так как при сохранении им прежнего количества земли застройка оказалась бы такой же тесной. Купцы же, владевшие большими земельными участками, не хотели жертвовать ни одной пядью своей земли.⁷

По проекту Дебришира в 1724 г. был выстроен деревянный «образцовый» дом для бургомистра Дмитрия Коробейникова на одной из вновь проложенных улиц, но, как писал в доношении новгородский воевода, «Коробейников, упрямясь, двор свой себе построил в Глухом переулке, а ратманы и не строятца, и о том строении от бывшего воеводы князя Хилкова к тому бургомистру нарочной послан был с указом, и оной бургомистр того посланного, сковав, избил тростью, отчего он лежал и ходил без руки недель шесть».⁸

Охлопков оказался бессильным перед натиском «сильных мира сего», и этим объясняется, почему город вновь стал застраиваться вопреки разработанному плану.

С большим трудом и в последующие годы приходилось преодолевать сопротивление новгородских купцов. В 1747 г. новгородский архиепископ Стефан доносил Синоду, что в 1745 г. во время сильного пожара, который пачался от деревянных лавок, погорели на Ярославовом дворе церкви Успения, Алексея Человека Божия, Параскевы-Пятницы и Георгия в Зарядье и что вновь на торгу, «как оной Опалев, так и прочие . . . оставя настоящее в Гостине дворе строение лавок, строят свои лавки близ самых святых церквей», т. е. не придерживаясь никакого плана.

Незадолго до пожара 1745 г. в Новгород прибыл из Правительствующего сената с указом «нарочный архитекторни гезель»

⁴ Янин В. Л. Из истории . . . , с. 348.

⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 15, д. 812, 1722.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 4, д. 994, 1723—1729, л. 21 об.; ЦГАДА, ф. 248, оп. 13, д. 728, 1723, л. 317.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 4, д. 994, 1723—1729, л. 36.

⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 13, д. 728, 1723—1724, л. 336.

Алексей Расловлев.⁹ О Расловлеве и его деятельности в Новгороде известно следующее. В списке архитекторов Санкт-Петербурга и Москвы в 1741 г. Алексей Расловлев числится как «архитектурин ученик» с окладом 14 р. 60 к., получаемым «по указам московской сенаторской канцелярии». ¹⁰ Учился Расловлев у известного московского архитектора И. Мичурина. ¹¹ В мае 1745 г. он был командирован в Новгород, как видно из данной ему инструкции, для осмотра стен и башен Кремля, малого земляного города, построек воеводского двора и губернской канцелярии в Кремле, а также для составления смет на ремонт этих обветшалых построек. ¹² В 20—40-е гг. XVIII в. новгородская канцелярия постоянно посылала в Сенат тревожные допошения об аварийном состоянии фортификационных сооружений и построек воеводского двора. ¹³

Кроме смет на ремонт построек, указанных в инструкции, Расловлев составил сметы на починку ряда зданий, не предусмотренных заданием: каменных и деревянных башен окольного города, ¹⁴ проезжей башни, «идущи от гостина двора на волховский мост», каменных богаделен, ¹⁵ моста, ¹⁶ каменных и деревянных строений двора дьяка Неелова на Ильине улице, ¹⁷ постройка артиллерийского двора в Кремле, ¹⁸ а также на разборку ветхого посольского двора на Славной улице и старого государева дворца на Михайловой улице. ¹⁹

⁹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 27, д. 146, л. 1 об., 1746. — В документах встречаются три варианта написания его фамилии: Рославлев, Раславлев, Расловлев. Так как сам он на чертежах ставил подпись «Алексев Расловлев», то и мы в статье примем это написание.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 5, д. 75, л. 221 об., 228.

¹¹ Михайлов А. Архитектор Ухтомский и его школа. М., 1954, с. 34.

¹² ЦГАДА, ф. 248, д. 3176, 1745—1748, л. 73. — Документ был обнаружен архитектором ВПНРК А. В. Воробьевым.

¹³ Там же, л. 44, 55. — В допошении от 11 июня 1743 г. сообщалось: «В прошлых годах во время пожарного случая в Нове городе в каменном городе бывшего воеводского каменного двора на полатах кровли все обгорели и тако от многолетнего без кровли стояния, от мокроты в сенях своды обвалились и в некоторых полатах стены валяются ж, да и впредь от времени до времени бес починки и покрышки может оное каменное строение вовсе пропасть». 8 мая 1745 г. из новгородской канцелярии в Сенат было прислано очередное доношение, из которого следовало, что «на каменном городе и на башнях кровли и мосты в башнях все сгнили и обвалились, и своды обрушились, от дождя и от снега от городской стены и от башен кирпич сыплется, и круг земляного города у Спаского и Никольского богорков деревянные обрубы сгнили», «пад проезжими Санкт-Петербургской дороги ворот, называемыми воскресенскими, имеется башня и на ней деревянная кровля, которая весьма сгнила и уже совсем к падению готова», а «имеющаяся у пречистенских больших проезжих ворот на волховском мосту каменная башня с часами и притом церковь вся до самого пияжнего фундамента розсела и розвалилас и жившая в пей для заводу оных часов часовника Евсея Никитина з женою и детьми придало до смерти».

¹⁴ Там же, л. 155, 156.

¹⁵ Там же, л. 159.

¹⁶ Там же, л. 122 об.—124.

¹⁷ Там же, л. 168—171 об.

¹⁸ Там же, л. 163—166 об.

¹⁹ Там же, л. 174 об.

Из-за недостатка средств не все работы, предусмотренные сметами, фактически были осуществлены.

В октябре 1746 г. новгородская губернская канцелярия в «рапорте» сообщала в Сенат, что выданные коллежскому асессору Александру Аракчееву 411 р. 23 к. израсходованы на покупку материалов и мастеровым людям по договору на зарплату для ремонта губернской канцелярии, «и показанные губернские апор-таменты совсем действительно исправлены».²⁰

11 ноября 1747 г. и 3 марта 1748 г. в доношениях губернской канцелярии сообщалось о том, что «новгородские городские восемь башен покрыты».²¹ Из этих же доношений становится известно, что Воскресенская башня была к тому времени разобрана.

В 1748 г. плотники исправляли конопни воеводского двора «для поклажи в них провванта».²² Других сообщений о ремонтах в деле нет.

Кроме того, Расловлев, будучи в Новгороде, разработал проекты на постройку каменной Пречистенской башни и деревянных строений путевого дворца.²³ При проектировании башни архитектор применил ярусную композицию: нижний объем четверика с арочным проездом служит основанием для меньшего четверика, на который поставлен восьмерик, перекрытый граненым куполом эллиптической формы с меньшим восьмериком, предусмотренным как ярус звона. Ярусы были раскрепованы пилястрами, при этом применена каноническая трехордерная композиция: на первом ярусе пары пилястр тосканского ордера с развитыми базами расположены по обеим сторонам арочного проезда; на четверике второго яруса пилястры ионического ордера расположены на углах; углы восьмерика подчеркнуты пилястрами коринфского ордера. В декоративном оформлении башен использованы филенки, обрамляющие наличники с «ушками», сложный рисунок венчающего карниза, вазы, украшающие нижний объем четверика и верхний ярус. Проект башни остался неосуществленным.

В проекте деревянных строений путевого дворца, вероятно под влиянием предшествующей постройки, ощущаются черты петровской архитектуры — предельная простота композиционного решения, скромность декоративного оформления. Расловлев применяет в проекте дворца характерную для петровских построек мансардную кровлю со слуховыми окнами. Упрощается форма ворот, которые вместо прежнего купольного получают завершение в виде треугольного фронтона.

Кроме работ по ремонту ветхих зданий, Расловлев, как убедительно доказал В. Л. Яниц, руководил в 1746 г. составлением нового плана Новгорода.²⁴

²⁰ Там же, л. 197.

²¹ Там же, л. 279.

²² Там же, л. 280.

²³ Чертежи опубликованы в книге А. Михайлова «Архитектор Ухтомский и его школа» (с. 280, 281).

²⁴ Яниц В. Л. Планы Новгорода XVII—XVIII вв. (Рукопись).

После большого пожара 1745 г. он занимался «размериванием погорелых мест» Торговой стороны.

В 1747 г. Расловлев писал в Сенат, что «по даншому ж Правительствующаго сената указу же прошлого 745 году октября 11 дня на погорелых местах по плану улицы и дворовые места всем отведены и каждому обывателю к построению под расписку дан билет».²⁵

В 1747 г. Расловлевым был подписан документ об отводе «под дворовое и огородное место» на правой стороне вновь проложенной Арсениевской улицы (если идти от р. Волхова) Арсениеву монастырю, приписанному в то время к Юрьеву монастырю.²⁶

Расловлев работал в Новгороде до 1749 г. В мае 1749 г. его откомандировали в распоряжение Д. В. Ухтомского в качестве помощника. После смерти И. Бланка с 1745 г. Ухтомский руководил регулированием жилой застройки Москвы.²⁷

Деятельность еще двух петербургских архитекторов — «гезелей архитектуры» Николая Васильева,²⁸ Ивана Филиппова, — которые проектировали для Новгорода в первой половине XVIII в., и московского архитектора Петра Обухова не была связана с планировочными работами, а ограничивалась проектированием отдельных построек. Иван Филиппов в 1741 г. посылается в Новгород из Петербурга для составления чертежей каменного здания Новгородской духовной академии, которую по указу Анны Иоанновны должны были устроить на базе семинарии в Антониевом монастыре. В то же время он получает задание сделать новые стропила для кровли Софийского собора. В Новгороде в это время не было архитектора, который бы смог осуществить эти работы.²⁹

В первой половине XVIII в. архитектурные кадры сосредоточивались в Москве и Петербурге, они же осуществляли проектирование всех основных сооружений в провинции.

Какие же постройки появились в Новгороде в первой половине XVIII в., были ли здесь свои мастера и какова доля их участия в строительстве, в каком русле развивалась архитектура этого времени? Круг вопросов обширен и не изучен.

Анализ архивных материалов конца XVII—первой половины XVIII в. позволяет заключить, что в Новгороде в это время трудилось значительное число мастеров разных профессий, связанных со строительным делом и оформлением интерьеров: известники, каменщики, плотники, столяры, резчики, оконшечники, живописцы и т. д. Большая группа мастеров работала при Архиерейском доме. Часть мастеров жила на митрополичьем островке (так называлось подворье Софийского дома на берегу

²⁵ ЦГАДА, ф. 248, д. 3176, л. 258, 1745—1748.

²⁶ ЦГАДА, ф. 1208, оп. 2, д. 41а, л. 6.

²⁷ Михайлов А. Архитектор Ухтомский и его школа, с. 42.

²⁸ О работе Николая Васильева и Петра Обухова см. далее.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1601, оп. 1, д. 146, 1741, л. 1—5.

Волхова у каменного города)³⁰ и вблизи островка в собственных дворах.

В конце XVII в. за островком жил «Софейский каменщик» Иван Пикитин.³¹ Жили мастера Софийского дома и в других местах. Так, в 1686 г. на Михайловской улице на Торговой стороне в собственном дворе жил «Софейскому дому» иконописец «Григорей Михайлов».³²

В 20-е гг. XVIII в. при Архиерейском доме работал плотник Федор Апаньин, он упоминается в связи со строительством «персонального» дома для архиерея в Новгороде.³³

В различных документах первой половины XVIII в. упоминаются домовые художники Илья Борисов, Петр Константинов,³⁴ Никита Левитов,³⁵ Максим Калинин и его ученик Иван Гаврилов.³⁶

В 1738 г. «по секретному делу» разыскивается столяр Архиерейского дома Яков Семенов.³⁷

В 50-е г. XVIII в. при Архиерейском доме, как можно судить по «ведомостем на выплату жалованья» и расходным книгам, работали каменщики Данила Калинин, Иван Неледимов, Федор Филиппов, Осип Филиппов, Козма Андрианов, Данила Андрианов, Иван Иванов, Савелий Остафьев, Абрам Семенов, Потап Евтифеев; печники Дмитрий Григорьев, Яков Трофимов; плотники Григорий Артемьев, Данила Григорьев, Семен Михайлов, Ермолай Никитин, Мирон Максимов, Афанасий Григорьев, Петр Иванов, Василий Павлов, Тит Васильев, Никита Дмитриев, Козьма Иванов, Максим Мосеев, Трофим Федосеев, Макар Савельев; столяры Григорий Храбостов, Козьма Федоров, Сава Ильин, Ермолай Никифоров, Иван Афанасьев; окопничник Роман Трофимов; маляры Андрей Семенов, Михайла Семенов, Иван Афанасьев, Спиридон Андреев, Яков Пантелеев, Назар Федоров. Был и мастер, который занимался изготовлением печных изразцов, — домовый бобыль Пидебской вотчины Федот Елисеев.³⁸

Тот факт, что еще в середине XVIII в. при Архиерейском доме было достаточное число своих мастеров (плотников и столяров), подтверждается письмом «управителя» Архиерейского дома, который, обращаясь к стряпчему при Новгородском архие-

³⁰ Макарий архим. Описание Новгородского архиерейского дома. СПб., 1857, с. 53.

³¹ ЦГАДА, ф. 1144, оп. 1, д. 97, л. 94 об.

³² Там же, л. 97.

³³ Государственный архив Новгородской области (далее — ГАНО), ф. 480, оп. 1, д. 189, 1728, л. 16.

³⁴ Там же, л. 21 об.—32 об.

³⁵ ГАНО, ф. 480, оп. 1, д. 310, 1733—1734, л. 21—25 об.; д. 768, 1751, л. 51.

³⁶ Там же, д. 371, 1736, л. 35—36 об.

³⁷ Там же, д. 415, 1738, л. 8—8 об.

³⁸ Там же, д. 768, 1751, л. 7—8 об., 51 об.; Новгородский государственный музей. Отдел письменных источников (далее — ПГМ ОПИ), л. 11268, 1760, л. 4 об.—8, 13, 16 об., 21 об., 23, 27 об., 32 об., 33, 33 об., 35, 40 об., 41, 41 об., 43, 44, 45, 45 об., 47, 47 об., 48, 52, 56, 56 об., 57 об., 59, 60, 62.

рейском подворье в Петербурге, сообщал ему в назидание: «...писано в казенной приказ, чтоб отец Ияков для взятия оконнишних станков меры прислал столяра и он умно зделал понеже в Нов городе и лесу всякаго, и мастеровых, как столярен, так и оконничников доволно и присмотреть и нарядить есть кому, а у тебя, по-видимому, продлится дело до зимы, как по старине говорят, один и у каши пронал».³⁹

Свои кадры мастеров существовали при повгородских монастырях; обычно это были крепостные крестьяне монастырских вотчин; многие служители церкви (диаконы, подьяки и др.) одновременно были иконописцами, золотарями или владели другим мастерством.

В 30-е гг. на строительстве новгородских подворий в Петербурге (одно находилось на Васильевском острове, другое, Карповское, — на Охте), которые отстраивал с завидным размахом новгородский архиепископ Феофан Прокопович, кроме столяров и резчиков Архиерейского дома Григория Коршакова, Степана Иудина, Федоса Ульянова, работали мастера из новгородских монастырей и церквей: из Хутыня монастыря — резчики Савва Тимофеев и Михайла Махаев, столяр Кондратий Андреев; Юрьева монастыря — столяры Григорий Фомиц, Иван Денисов, Матфей Терентьев; Антониева монастыря — столяр Захар Герасимов; Вяжицкого монастыря — столяры Лука Аврамов, Иван Стефанов, Родион и Филипп Панкратьевы; Деревяницкого монастыря — резчик Василий Тиханов и др.⁴⁰

Живописные работы для вновь выстроенной церкви на Василеостровском подворье выполняли служители новгородских церквей: диакон Софийского собора Никифор Егоров, подьяк Василей Нередицкий, дьячок церкви Михаила Архангела Федор Семенов.⁴¹ Золотари также были присланы из Хутыня монастыря и новгородских церквей: Георгий Осипов, Тимофей Иванов, Гаврило Павлов и др.⁴²

Среди посадского населения были потомственные семьи плотников, столяров, каменщиков. О мастерах из посадского населения известно менее всего. В «Записной купчих крепостей» 1700, 1701 гг. упоминается Лазор Варфоломеев, «сын известника», живший в собственном дворе на Лубянице улице.⁴³

В «Книге челобитных» начала XVIII в. под 1710 г. зарегистрирована челобитная «посадского человека иконописца Федора Федорова да церкви Архангела Михаила дьячка иконописца Федора Семенова». Документ интересен тем, что дает представление о системе обучения, существовавшей в то время. Два уче-

³⁹ ГАНО, ф. 480, оп. 1, д. 577, 1744, л. 15—15 об.

⁴⁰ Там же, д. 371, л. 14, 16, 19. — Для каменных работ были приглашены мастера Ярославского, Галицкого, Костромского и Дмитриевского уездов (там же, л. 6, 25, 29).

⁴¹ Там же, д. 310, 1733—1734, л. 14—14 об.

⁴² Там же, д. 577, 1744—1750, л. 74.

⁴³ ЦГАДА, ф. 1144, оп. 1, д. 77, л. 69 об.

ника иконописцев Артемий Абрисимов и Семен Александров сбежали от своих учителей, прихватив с собой «золота, и серебра, и красок, и олифы, книг и листов печатных, и всякого иного припасу, и не дожив урочных лет против записей, каковы оне им на себя дали в научении иконного писма . . . а поруюко по нем Артеме Успенской поп Иван Федоров, а по Семене Александрове брат ево родной Бронницкого яму бывшей дьячек Лев Александров».⁴⁴

Обычно ученики обучались в Новгороде у опытных мастеров, но иногда их посылали в Москву. В 1726 г. был отправлен в Москву «в науку от литного медного дела домовый медник Трифилий Тарасьев» (крестьянский сын Спасского Порховского монастыря),⁴⁵ который после положенного для обучения срока был оставлен для работы в Москве на новгородском подворье — резиденции архиепископа Феофана Прокоповича.⁴⁶

В связи с большими строительными работами в Петербурге многие новгородские мастера переводятся в новую столицу.

Нелегким было положение домовых и монастырских мастеров, о чем свидетельствуют челобитные на имя Феофана Прокоповича.

В мае 1734 г. Никита Левитов в прошении Феофану Прокоповичу жаловался, что он послан «с товарищи для малярной работы» в Петербург без определенного жалованья, «товарищи» его были отпущены по домам, а он был оставлен в Петербурге, «платьем и обувью обносился», «подушных денег платить не чим», так как «жалованья никакова и поныне не получил».⁴⁷ На прошение Левитова последовало доношение выдать его матери из Архиерейского дома четыре четверти ржаной муки.⁴⁸

В августе 1732 г. в челобитной Феофану Прокоповичу резчик Иверского монастыря Гаврило Константинов со своим учеником Захаром Никитиным, резчик Клопского монастыря Андрей Сысоев, столяр того же монастыря Михайло Сысоев, резчик Дервяницкого монастыря Василий Тиханов писали, что «высланы оне из Новгорода к строению во строящейся на Преображенском острове . . . церкви столярных и резных работ, где обретаются и поныне, а жалованья им как в бытность при тех монастырях, так и при отъезде николикого числа не давалось и кормилися от резных посторонних работ, а ныне домашние их жены и дети без них в прожитании имеют великую скудность».⁴⁹

1736 г. датируется документ «О наказании батогоми резчика Новгородского архиерейского дома Федоса Тетерина за его просьбу причислить в дворцовую команду».⁵⁰ «Федос Ульянов

⁴⁴ НГМ ОПИ, д. 11188.

⁴⁵ ГАНУ, ф. 480, оп. 1, д. 167, 1727—1729, л. 7 об.

⁴⁶ Там же, д. 250, 1731, л. 17.

⁴⁷ Там же, д. 310, 1733—1734, л. 25.

⁴⁸ Там же, л. 33.

⁴⁹ Там же, д. 283, 1732, л. 35.

⁵⁰ Там же, д. 383, 1736, л. 2—5.

сын Тетерин», посланный в Петербург в связи со строительством архиерейского подворья на Васильевском острове, подал прошение в «кабинет ея императорского величества» о зачислении его в мастерскую известного мастера Кондрата Толстого. В прошении (сохранилась его копия) содержатся интересные биографические сведения о домовом резчике. Дед и отец Федоса Ульянова — крепостные Новгородского архиерейского дома, жили в дер. Сараеве Пидебской волости, принадлежавшей дому св. Софии. В 1736 г. Федос Ульянов был, по-видимому, уже не молод, так как работал резчиком еще при архиепископе Иове до 1711 г., после смерти Иовы его отдали для работы в дом князя Меншикова в Петербурге, который начал строиться в 1710 г. В 1727 г. он вновь был взят в Архиерейский дом и работал в Петербурге. После смерти Феофана Прокоповича в 1736 г., оставшись не у дел, Федос Ульянов просил разрешить ему работать у Кондрата Толстого, но, обвиненный в том, что самовольно, а не по указу работал у Меншикова, был бит батогами и оставлен при Архиерейском доме.

Суммировав все имеющиеся архивные сведения о мастерах, можно сделать следующий предварительный вывод: больше всего в Новгороде в конце XVII—первой половине XVIII в. было мастеров, связанных с обработкой дерева — плотников, столяров, резчиков (это искусство издревле процветало в Новгороде), а также иконописцев («маляров»).

В то же время уже в конце XVII в. ощущался недостаток камешников, и недаром повгородский воевода перед началом работ по воеводскому двору писал в Москву: «...воеводского двора каменного строения заводить и строить как бы впредь было крепко и прочно без подмастерий московских мастеров и камешников некому, потому что в великом Новгороде камешников малое число и наперед сего такова каменного строения не страивали и не знают».⁵¹

Большой комплекс построек, значительно изменивший облик двух городских центров — Кремля и Торга — на рубеже XVII—XVIII вв., был возведен по чертежам и сметным расчетам «каменных дел подмастерьев» из Москвы Семена Ефимова и Гура Вахромеева.

Перестройку Пречистенской башни, строительство каменной части Волховского моста «с лавками, воротами и часовней» и каменных амбаров на пушечном дворе в Кремле осуществляли «каменных дел подрядчик старого московского приказа» стрелец Сенька Потапов и крепостной крестьянин Ярославского уезда Сергушка Билибин «с товарищи».⁵² В то же время плотницкие работы выполняли «Федка Полуехтов с товарищи» — стрельцы Новгородского приказа, кузнечные работы — бобыль Софийского

⁵¹ Воробьев А. В., Алешковский М. Е. Воеводский двор XVII в. Новгород, 1959, с. 13.

⁵² ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 148, 1699, л. 14—14 об.; д. 152, л. 8.

дома Евдоким Федоров «с товарищи», пайку шатров — посадский человек Сергушка Никифоров «с товарищи», золочение большого орла, короны и яблока над Пречистенской башней — колмовский иконописец и золотарных дел мастер Федор Васильев «с товарищи».⁵³

Приезжими мастерами, как можно предполагать, возведен в 1698—1700 гг. Воскресенский собор Деревяницкого монастыря на месте рухнувшего, построенного несколькими годами ранее костромскими и ярославскими мастерами. Необычна для Новгорода примененная в соборе двухстолпная конструкция: на два столба и стены опираются арки, которые являются основаньем лотковых сводов.⁵⁴ Величественный кубический объем храма с граненой ансидой увенчан пятью главами.

Низкие паперты и приделы подчеркивают монументальный облик сооружения. Декоративные элементы (графичные, тонко прорисованные разорванные наличники, изящные полуколонки, членящие фасады здания, фриз из небольших кокошников, поля которых были заполнены живописью) контрастируют с массивным объемом здания. Подобное сочетание монументальной композиции с тонким кружевом декора характерно для построек Каргополя.

Вторая постройка Деревяницкого монастыря — церковь Успения с трапезной, выстроенная позднее (в 1725 г.),⁵⁵ в отличие от Воскресенского собора, несет в себе отзвуки традиций новгородской архитектуры предшествующего периода. Архитектура церкви и трапезной во многом архаична. Одностолпная трапезная палата с окнами на первом этаже, имеющими глубокие откосы в толще стены, решена в старых традициях. Восьмискатная конструкция кровли церкви, килевидные арочки между плоскими пилонами на фасадах заставляют вспомнить новгородские памятники XVI в. По-новгородски выглядит и бегунец в поле фронтона.

Декоративные наличники окон второго этажа в виде обрамляющих полуколонок с бусинами, перехватами и полочками, объединенных над окнами профилированной килевидной аркой, характерны для русской архитектуры XVII в.

Архаичны приемы строительства, которыми пользовались мастера. При исследовании церкви Н. Н. Кузьминой в кладке посредине южного фронтона была обнаружена деревянная стойка диаметром 5—6 см, служившая осью симметрии при кладке фронтона.⁵⁶

⁵³ Там же, л. 23—25.

⁵⁴ Архив ИСНРПМ, инв. № Р-945; *Кузьмина Н. Н.* Отчет об исследовании и реставрации памятника архитектуры 1698—1700 гг. Воскресенского собора Деревяницкого монастыря в Новгороде. (1965—1973 гг.).

⁵⁵ *Амвросий.* История Российской иерархии. М., 1812, ч. IV, с. 18.

⁵⁶ Архив ИСНРПМ, инв. № Р-895; *Кузьмина Н. Н.* Отчет об исследовании и восстановлении с частичной реставрацией и приспособлением памятника архитектуры 1725 г. — трапезной с церковью Деревяницкого монастыря.

Об архитектурных поисках нового времени свидетельствует примененная в церкви бесстолпная конструкция с сомкнутым сводом, которая создает ощущение зальности пространства, но на фасадах эта конструкция не выражена.

Примыкающая к трапезной колокольня, возведенная между 1725 и 1738 гг., решена в духе своего времени.⁵⁷ Ярусная (2 четверика и 2 восьмерика), значительная по высоте (25 м), она завершалась барочным куполом. Ярусы колокольни расчленены рустованными пилястрами, увенчаны профилированными карнизами. Небольшие, почти квадратные окна обрамлены простыми наличниками, повторяющими форму окна. Ближайшей аналогией колокольни Деревяницкого монастыря является колокольня бывшего погоста Бурегя (Старорусский район Новгородской области).

В 30-е гг. в Новгороде появилась еще одна культовая постройка — церковь Троицы в Ямской слободе, возведенная на основе древней церкви XIV в.⁵⁸ Сравнительно небольшой, четырехстолпный, одноапсидный храм, завершенный восьмискатной кровлей и увенчанный граненным световым барабаном с изразцовыми лентами наличников и декоративных колонок на углах граней, кажется, весь еще находится во власти старых архитектурных традиций, но при этом залитый светом интерьер несет в себе иное, «светское» понимание внутреннего пространства.⁵⁹

Из сохранившихся каменных жилых построек к первой половине XVIII в. по стилистическим особенностям, а также на основании обнаруженного клейма «Сибирь» на железной связи в южной стене здания⁶⁰ можно отнести так называемый «дом Чертолина» на ул. Большевиков (у вала), № 3. Особенностью постройки является одновременное использование ее для жилья и для производственных пужд. Купцы Чертолины были последними владельцами дома. Первым обратил внимание на это здание сотрудник Новгородского музея А. И. Семенов, который в 1938 г. опубликовал заметку в местной газете под названием «Неизвестное древнее здание».⁶¹ А. И. Семенов приводит сведения из «Справочника фабрик и заводов» за 1868 г. о том, что в здании, принадлежавшем купцу Чертолину, был устроен кожевенный завод, который выделывал в то время 1500 кож разного сорта. При рытье подвала соседнего деревянного дома в 1980 г. были обнаружены большие дубовые чаны с остатками извести, которая использовалась для обработки кож.

⁵⁷ *Амеросий. История Российской иерархии*, с. 18.

⁵⁸ *Макарий архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях*. М., 1860, ч. 1, с. 170.

⁵⁹ Памятник реставрирован в формах XVIII в. с выявлением нижних уцелевших частей постройки XIV в. и сохранением придела и колокольни XIX в. Автор проекта реставрации Л. Е. Красноречев.

⁶⁰ Такие клейма ставили на изделиях сибирских заводов, появившихся в Петровское время.

⁶¹ Газета «Звезда», 1938, № 28.

Редкий для Новгорода образец гражданской архитектуры XVIII в. упоминается в книге А. А. Тица.⁶²

В 1972 г. архитектором Н. Н. Кузьминой были проведены натурные исследования, выполнен проект реставрации дома.⁶³ Как показали исследования, вытянутое здание было полукаменным: каменным был первый этаж и небольшая жилая часть второго этажа.⁶⁴ Второй этаж большей частью первоначально был деревянным. Здание сохранилось фрагментарно. Значительная восточная половина его (к валу) разрушена, сохранились лишь нижние участки стен. Кровля была также деревянная. Деревянные части постройки не сохранились, уцелели лишь на каменной восточной стене второго этажа гнезда от двойного деревянного межэтажного перекрытия.

В стилистическом отношении постройка является переходной, разнородной по своей сущности: с одной стороны, в архитектурном решении ее проявляется тесная связь с древнерусскими архитектурными традициями (коробовые своды первого этажа, сложные наличники окоп первого этажа в виде двойных и тройных кокошников), с другой — здание несет черты архитектуры Петровского времени (оформление окон второго этажа, плоское перекрытие второго этажа).

Дом Чертолина в Новгороде является единственной сохранившейся жилой каменной постройкой первой половины XVIII в. Жилая застройка в этот период продолжает в основном оставаться деревянной. Известно несколько деревянных строений, появившихся в 20—30-е гг. XVIII в. Ни одно из них не сохранилось.

В первой половине XVIII в. был выстроен загородный архиерейский дом, который находился на архиерейской мызе (резиденции новгородских митрополитов) при впадении р. Шитьбы в Волхов. Судя по обмерному чертежу, выполненному в 1775 г. «архитектуры титулярным советником» Иваном Парфентьевым, это было протяженное двухэтажное здание, завершенное мансардной кровлей.⁶⁵ По центральной поперечной оси был устроен сквозной арочный проезд. Плоскость стены членилась лопатками: на втором этаже простыми, часто расположенными, на первом — рустованными и расположенными реже. В целом регулярный характер архитектуры нарушался неравномерным расположением оконных групп в простенках между рустованными лопатками на первом этаже и разноуровневым расположением оконных проемов

⁶² Тиз А. А. Русское каменное жилое зодчество XVII в. М., 1966, с. 66—67, 339. — Датировка автора вполне убедительна.

⁶³ Архив НСНРПМ, инв. № Р-866; Кузьмина Н. Н. Предварительное изучение литературных источников и составление краткой исторической записки по памятнику первой половины XVIII в. — дому Чертолина.

⁶⁴ Мнение А. А. Тица относительно того, что каменная часть второго этажа пристроена позднее, представляется ошибочным.

⁶⁵ ГАНУ, ф. 482, оп. 1, д. 2, л. 22. — Чертеж не даст возможности с абсолютной точностью определить, деревянным или каменным было это здание.

на втором этаже. Окна украшали резные деревянные наличники барочной формы. На уровне второго этажа была устроена обходная галерея на тонких стойках с ограждением из точеных балясин.

В «Расходных книгах Новгородского архиерейского дома» за 1728 г. неоднократно упоминаются расходы на строительство «персонального» дома для архиепископа Феофана Прокоповича.⁶⁶ Место, где строился этот дом, не называется. Возможны два варианта его расположения: территория Архиерейского дома в Кремле или Архиерейская мыза вблизи дороги Петербург—Москва. В путеводителе М. Толстого упоминаются брусовые покои, примыкавшие к Никитскому корпусу.⁶⁷ Возможно, именно они строились в 1728 г. Скорее всего с Феофаном Прокоповичем связано и строительство загородного архиерейского дома.

«Расходные книги» дают возможность заключить:

1) постройка была срубной, так как для строительства купили готовые срубы и четырех- и пятисаженные бревна; для утепления между венцами прокладывали мох;

2) кровля была гонтовая — купили для покрытия «2400 гонтий», которые крепились железными гвоздями;

3) внутри были устроены кирпичные печи.

Рядом с «персональным домом» выстроили кузницу, устроили отдельно «ванну» и «для катания платья каток».⁶⁸

Строительство велось новгородскими мастерами: несколько раз упоминаются плотник Федор Апаньин, который строил и хоромы, и кузницу с «ванной», каменщик Гур Михайлов, который делал «образчатые» печи.

В начале 30-х гг. XVIII в. в Новгороде строятся деревянные путевой дворец и триумфальные ворота для встречи Анны Ивановны.⁶⁹ В строительстве триумфальных ворот участвовали столяры Юрьевского монастыря Матфей Семенов и Григорий Фомин, резчики Хутынского монастыря Кондратий Андреев, Савелий Тимофеев, Михайла Махаев, столяр Алтониева монастыря Захар Герасимов сын Решников, столяры Вяжицкого монастыря Лука Аврамов, Родион Панкратов, Егор Марков, столяр Клопского монастыря Андрей Сысоев, резчики Деревяницкого монастыря Василий Михайлов, Гаврила Константинов, столяр Федот Карпов.⁷⁰

Путевой дворец показан на плане Новгорода, выполненном Охлопковым в 30-х гг. XVIII в., со схематическим изображением дворцовых строений: самого дворца, двух вытянутых одноэтажных флигелей, двух ворот и ограды.⁷¹ Дворец размещался к за-

⁶⁶ ГАНО, ф. 480, оп. 1, д. 189, л. 7 об., 11, 13 об., 14, 16, 18, 18 об., 19, 22 об., 23, 25 об.—27 об., 29, 34 об., 1728.

⁶⁷ Толстой М. Святые и древности Великого Новгорода. М., 1862, с. 70.

⁶⁸ ГАНО, ф. 480, оп. 1, д. 189, л. 34 об.

⁶⁹ Постройки не сохранились.

⁷⁰ ГАНО, ф. 480, оп. 1, д. 283, л. 6, 1732.

⁷¹ План опубликован в упоминавшейся ранее статье В. Л. Янипа.

паду от церкви Георгия на Торгу и Иоанна на Опоках, вблизи реки, на берегу была устроена пристань. Постройки располагались по периметру прямоугольника. Архитектурной доминантой являлся дворец, главным фасадом обращенный к реке, два флигеля размещались перпендикулярно дворцу, двое ворот (одни со стороны Гостиного двора, другие со стороны церкви) вели во двор, огороженный частоколом. Дворец и флигели были фактически двухэтажными: второй этаж скрыт под мансардной кровлей. Центральная часть дворца акцентировалась мезонином, завершенным фронтоном. Дворец и флигели имели характерную для того времени мансардную (с переломом) кровлю с большими слуховыми окнами.

В строительстве путевого дворца были заняты столяр Кондратий Андреев, столярный ученик Иван Михайлов (Хутынский монастырь), столяры Егор Марков и Иван Григорьев (Вязицкий монастырь), Карп Пакостин (Юрьев монастырь).⁷²

В это же время, судя по плану Охлопкова, около Гостиного двора строятся торговые ряды.

Торговые ряды и дворец пострадали, вероятно, во время пожара 1745 г.; пожар захватил территорию вокруг церкви Успения на Торгу, Параскевы-Пятницы, Георгия в Зарядье (или на Торгу), Алексея Человека Божия,⁷³ где были сосредоточены тесно расположенные торговые ряды, выстроенные и по плану, и самовольно. Во всяком случае уже в 1745 г. (спустя всего 13 лет после строительства) потребовалось составление нового проекта дворцовых строений из-за их ветхости. На обмерном чертеже старых ворот Расловлева написано: «Чертеж старого манера, которые ныне имеются при объявленном дворце, о которых в поданной смете в „745“ году упомянуто оные ветхи надлежит вновь зделать по прежнему».⁷⁴

Ряд каменных и деревянных построек появляется в Повгороде в середине XVIII в. В 1753 г. заготавливали материалы для строительства каменной церкви на Архиерейской мызе.⁷⁵ У повгородского купца Ивана Степанова сына Янковского был куплен алебастр, привезенный из Тулы, у повгородского ратмана Андрея Калачникова — свинорецкая известь (круш).⁷⁶ Кирпич изготавливали бобыли Архиерейского дома Филипп Григорьев «с товарищи» на домовых колмовских кирпичных заводах.⁷⁷ Кирпичное производство в Колмове существовало издавна. В 1685 г. упоминаются в выписи из писцовых книг, данной в том же году Колмову монастырю, «государевы саран, что делают кирпич».⁷⁸

⁷² ГАНУ, ф. 480, оп. 1, д. 283, 1732, л. 15—17.

⁷³ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 27, д. 146, 1746.

⁷⁴ Михайлов А. Архитектор Ухтомский и его школа, с. 280.

⁷⁵ Церковь не сохранилась, существующая ныне относится к началу XX в.

⁷⁶ Известь добывалась в местечке Свинорд, близ посада Солыцы Новгородской губернии.

⁷⁷ ГАНУ, ф. 480, оп. 1, д. 867, 1753, л. 4—10.

⁷⁸ Архив ЛОИИ СССР, ф. 712, оп. 1, д. 493, 1685, л. 366.

Церковь Филиппа Апостола (XVI в.) с колокольней XVIII в. (до реставрации)

В 50-х гг. велись значительные работы по «исправлению ветхостей» Сыркова монастыря. В 1751 г. были отпущены деньги, составлена смета и началось строительство новых келий и ограды. Был «исправлен» также Владимирский собор, к которому с западной стороны пристроили колокольню. В 1756 г. «Канцелярией от строения» из Петербурга в Новгород командировали «гезеля архитектуры» Николая Васильева, который должен был «все показанное в ведомости новгородской губернской канцелярии новое строение и починку освидетельствовать, исчислить, подлинно ли то строение в показанную по ведомости сумму в три тысячи рублей стало и не učinено ль в чем какой передачи, и не осталось ли от того строения и починки каких заготовленных материалов и на строение в том Сыркове монастыре вновь келей и ограды».⁷⁹

Архитектор Н. Васильев, как известно из «Списка служащих в канцелярии от строений», работал в 40-х гг. в Петербурге при обер-архитекторе Растрелли.⁸⁰ Кроме работ в Санкт-Петербурге, Васильев принимал участие в строительстве церквей в Дерпте и Риге.⁸¹

В Сыркове монастыре Н. Васильеву было поручено составить новую смету на окончание работ: ремонт «старицких» деревян-

⁷⁹ ГАНО, ф. 480, оп. 1, д. 975, 1756, л. 38.

⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 5, д. 75, л. 221 об.

⁸¹ ГАНО, ф. 480, оп. 1, д. 975, л. 383 об., 1756.

Владимирский собор (XVI в.) Сыркова монастыря с колокольней (XVIII в.)
(до реставрации).

ных келий, устройство новых иконостасов, починку части старой ограды.⁸² До окончания строительных работ Н. Васильев должен был оставаться в Новгороде.

Из строений XVIII в. в Сыркове монастыре до нашего времени сохранялась колокольня,⁸³ выстроенная, судя по рапорту

⁸² Там же, л. 383 об.—384.

⁸³ Колокольня, получив серьезные повреждения во время Великой Отечественной войны, обрушилась в 60-е гг.

Колокольня (XVIII в.) Владимирского собора Сыркова монастыря (XVI в.)
(до реставрации).

Колокольня (XVIII в.) церкви Филиппа Апостола на Нутной улице (до реставрации).

Н. Васильева, незадолго до его приезда, т. е. между 1751 и 1756 гг. В рапорте указано, что при строительстве колокольни на связи и прочее использовано 96 пудов железа «из надшей башни».

Облик колокольни можно представить по сохранившимся фотографиям, сделанным до обрушения. Колокольня была пристроена к западной стене храма и представляла собой редкий в Новгороде тип «шестерика на четверике». Четверик имел сквозной арочный проем. Пролеты яруса звона с арочным завершением были устроены в верхней части четверика. Гладкие стены четверика и шестерика прорезали небольшие окна с полуциркульным верхом в профилированных прямоугольных нишах. Единственным декоративным элементом колокольни была тяга над

пролетом звона, вторившая полуциркульным завершениям пролетов.

Ближайшей аналогией колокольне Сыркова монастыря является сохранившаяся колокольня церкви Филиппа Апостола на Нутиной улице. Массивный и довольно приземистый шестерик колокольни церкви Филиппа Апостола, как и в сырковской колокольне, покоится на высокомоощном четверике. Аналогичны окна, пролеты звона; единственным отличием является отсутствие декоративной тяги над пролетами звона. Обе колокольни поставлены вплотную к западной стене храма и составляют с ним единое целое. С точки зрения конструктивного решения, декоративного оформления колокольни не несут в себе ничего нового, представляя упрощенный вариант традиционных колоколен XVII в.

Невыясненным остается вопрос о характере их первоначального завершения. На обеих колокольнях (у церкви Филиппа Апостола до реставрации, в Сыркове монастыре до войны) сохранилось железное покрытие в виде граненого купола со шпилем. Так как карниз в колокольне Филипповской церкви был переложен, то можно считать, что и покрытие не являлось первоначальным, по стилистическим особенностям его можно отнести к началу XIX в. Вероятнее всего, первоначально колокольня завершалась «барочным» куполом со шпилем, хотя нельзя полностью отрицать возможность «архаичного» к тому времени шатрового верха.

В 50-е гг. XVIII в. в Новгороде возводятся два храма в стиле «московского барокко» — церковь Георгия на Торгу (1754 г.)⁸⁴ и Покровская церковь Кириллова монастыря (1754 г.).⁸⁵ Церковь Георгия на Торгу была выстроена на старом основании XIV в. «От первоначальной постройки 1356 года сохранились не только фундаменты, но и кладка стен четверика на высоту до уровня хор, высотой до 4,5 м. Полностью сохранились западный портал и часть декоративной ниши над ним со следами фресковой живописи».⁸⁶ Покровская церковь была заново выстроена в XVIII в. Обе церкви представляют тип храма «восьмерик на четверике», получивший широкое распространение в XVII в., особенно в Москве (в конце XVII в. в Новгороде по проекту московского мастера Ефимова была построена Покровская церковь воеводского двора в Кремле типа «восьмерик на четверике»). В середине XVIII в. этот тип храма являлся архаичным.

При общем «типовом» решении памятников пропорциональное соотношение частей в составе целого различно. Покровская церковь Кириллова монастыря отличалась грузными пропорциями нижней части здания: граненый алтарный выступ был несоразмерно велик, объем четверика при довольно стройных пропор-

⁸⁴ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 35, д. 250, 1754.

⁸⁵ ГАНО, ф. 480, оп. 1, д. 884, 1754. — Памятник разрушен фашистами во время Великой Отечественной войны.

⁸⁶ Архив НСНРПМ, инв. № Р-871. *Гладенко Т. В.* Научный отчет об исследовании западного притвора церкви Георгия на Торгу в г. Новгороде.

циях восьмерика, значительно меньшего в диаметре, чем четверик, казался чрезмерно широким и приземистым. Окна четверика посажены слишком низко. Оконные проемы, несоразмерно большие, профилированные, были обрамлены полуколоннами с бусинами и разорванными фронтонами. Объем четверика имел ступенчатое завершение, восьмерик был крыт граненым пологим шатром с небольшой главкой, с западной стороны к четверику примыкали паперть и восьмигранная колокольня, увенчанная граненым куполом со шпилем. При барочном завершении архитектурное решение колокольни было очень строгим и простым. Гладь степ прорезали сквозные пролеты с арочным завершением. Углы граней были слегка раскрепованы лопатками.⁸⁷ Весь облик постройки характеризовался несовершенностью и доморощенностью исполнения.

В архитектуре Георгиевской церкви чувствуется больше профессионализма. Пропорции частей в структуре целого здания более соразмерны. На высоком четверике покоится широкий восьмерик, по высоте значительно ниже, в диаметре немного меньше четверика. Алтарный выступ полукруглый. Окна четверика небольшие, со скругленным верхом, помещены в профилированные ниши, под карнизом — восьмигранные оконные проемы, окна четверика украшены характерными «разорванными» фронтонами.

В Хутынском монастыре с 1758 г. начинается строительство новой колокольни по проекту московского архитектора Петра Обухова, ученика Д. Ухтомского, который в 1766 г. работал в Смоленской губернии.⁸⁸ Колокольня является редким для Новгорода образцом стиля «барокко». Подрядчиком, возглавлявшим артель каменщиков, строивших колокольню, был крестьянин Ярославской провинции «Григорий Семенов Беляев».⁸⁹

Одновременно с постройками в стиле «московского» барокко в Новгороде в 50-е гг. (1759 г.) сооружается памятник, тесно связанный с кругом петербургских зодчих. Это собор Входа в Иерусалим в Кремле.⁹⁰ Он имеет базиликальный план, не характерный для московских построек. Северный и южный фасады в центральной части завершаются двумя полуциркульными фронтонами. Повторяющиеся лопатки с мощными базами, развитый профилированный карниз создают барочную пластичность фасада. Храм первоначально был четырехстолпным, об этом можно судить по архивному чертежу. Над предалтарной частью возвышался деревянный купол, к настоящему времени утраченный.⁹¹ Во время Великой Отечественной войны первоначальное перекрытие было разрушено и в 50-е гг. при ремонте сделано новое. Кто мог быть автором этой постройки? Легенда приписывает ав-

⁸⁷ Архив НСНРПМ. Пересъемка с фотографии из коллекции М. К. Каргера.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 297, оп. 1, д. 969, 1762, л. 1.

⁸⁹ Архив НСНРПМ, инв. № 1350. *Сивак С. И.* Историческая справка.

⁹⁰ НГМ ОПИ, д. 11454, л. 1 об.

⁹¹ ГАНО, ф. 482, оп. 2, д. 7, л. 39.

торство знаменитому Растрелли. В этой легенде есть рациональное зерно: автор проекта, без сомнения, должен быть связан с Петербургом. Так как в эти годы (1756 г. — время прибытия) в Новгороде работал «гезель» архитектуры Николай Васильев, можно предположить, что он мог быть автором проекта собора.

Таким образом, Новгород в первой половине XVIII в. оказался в орбите сложных, разпородных, подчас противоречивых процессов, происходивших в русской архитектуре. Одним из первых русских городов он подвергся частичной перестройке на новых, регулярных началах.

Близость к Петербургу, непосредственное участие повгородских мастеров в его строительстве, работа петербургских архитекторов в Новгороде обусловили появление в 20—30-х гг. XVIII в. таких построек в стиле раннего Петербурга, как путевой дворец, загородный архиерейский дом, а в 50-е гг. — церковь Входа в Иерусалим.

В то же время участие московских архитекторов (Семена Ефимова, Алексея Расловлева), традиционные связи с Москвой определили вторую линию развития архитектуры (церковь Георгия на Торгу, Кириллов монастырь, колокольня Хутынского монастыря).

Собственных архитекторов в Новгороде еще не было, участие местных архитекторов прослеживается лишь во второй половине XVIII в.

Следует отметить и еще одну линию развития архитектуры, в которой при явной приверженности к старым традициям новгородской архитектуры дают себя знать и новые архитектурные веяния (церковь Троицы в Ямской слободе, церковь Успения в Деревяницком монастыре).

Хотя памятники этого времени не являются выдающимися произведениями русской архитектуры, но представляют большой интерес в плане изучения становления и развития архитектуры нового времени.